

Солженицын, в соответствии со своей установкой на «расширение» русского языка, сводит на нет авторское начало своего «Русского словаря языкового расширения», выступая, как воскреситель редких и забытых слов. Задача солженицынских словообразований-прозаизмов – более гибко, подробно передать пространственные и временные отношения, жесты, объемы, форму вещей. «*Обтяжистый*», «*коротизна* (зимних дней)», «*натюрить* (накласть в жидкость)», «*затужный*» (в 2 значениях: перетянутый и горестный)», «*возневеровать* (стать не верить, усомниться)», «*обозерье* (околица большого озера)», «*низмашь* – ударяя с подъема руки (а не прочь, не наотмашь)» - примеры солженицынских слов» (7, С. 292).

Но в какой мере их можно назвать солженицынскими? Практически все «новообразования» словаря, в том числе и вышеприведенные, взяты из «Толкового словаря» В. Даля, где они даны в гораздо более развернутом словопроизводном и толковательном контексте, чем у Солженицына. «Например, там, где Даль пишет:

Внимательный, внимчивый, вымчивый, обращающий внимание, внемлющий, слушающий и замечающий, -

Солженицын просто ставит слово:

ВНИМЧИВЫЙ,

как бы давая ссылку на Даля. ...» (7, С. 292).

Иначе говоря, Даль создал словарь живых возможностей великорусского языка, его потенциальных словообразований, многие из которых впоследствии не задействованы – и именно поэтому в словаре-«наголоске» Солженицына поражают едва ли не больше своей новизной, чем в словаре Даля, где они приводятся в ряду известных, устоявшихся слов, что скрадывает их новизну. «У Даля от известного «*пособлять*» к неизвестному